

Алексей Некрасов-
Вебер

Живой Труп

альтернативная
история

12+

Алексей Некрасов-Вебер

Живой труп

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Некрасов- Вебер А. Г.

Живой труп / А. Г. Некрасов- Вебер — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Несмотря на некоторое сходство сюжета, это не ремейк известного произведения классика, а попытка показать альтернативный вариант истории России, избежавший потрясений 1917 года. России, которая вошла в 21 век с компьютерами и интернетом, но сохранила сословный строй и монархию. Главный герой – представитель дворянского сословия, который ради сохранения честного имени вынужден имитировать самоубийство и начать жизнь с чистого листа.

Часть первая

Птица Феникс

Глава 1

От одного вида пустынной набережной веяло свинцовым холодом. Редкие фонари, безликие фасады домов, скользкая лента тротуара, грязно серый снег на перилах. Разбрызгивая коричневую снежную кашу, мимо испуганно пролетали автомобили. Похожая на отводную канаву протока несла в основное русло Москвы реки мертвую черную воду.

Подыскивая место для последнего шага, Александр думал:

"Именно так должна выглядеть преисподняя, а все эти сковородки и веселые черти, лишь забавные простонародные фантазии."

Неожиданно он поймал себя на том, что слишком долго и придирчиво выбирает:

"Какая разница, где пустить в себя пулю!"

Перегнувшись через чугунную изгородь, Александр посмотрел вниз и мысленно прокрутил в голове дальнейший сценарий: Он перешагивает через парапет, одной рукой держится за ограду, другой достает из кармана револьвер. Дальше вспышка выстрела, страшный удар разрывает грудную клетку, и возможно еще живое тело летит вниз.

Представив, как над головой смыкается черная вонючая вода, Александр содрогнулся от отвращения. И тут же, словно приступ удушья, горло сдавил страх.

"Честь дороже жизни" – прошептал Александр, глядя на темный поток. И эта заученная с детства фраза решила исход борьбы. Но падать в ледяную грязную воду все равно не хотелось. Напрасно он пытался убедить себя, что для вечности, в которую скоро вступит, несколько последних мгновений не имеют значения. Куда важнее, как он прожил отпущенный ему срок, и насколько правомочен в высших небесных инстанциях указ священного синода.

Еще в середине двадцатого века святейшее собрание постановило, что для лиц дворянского сословия грех самоубийства может быть прощен, если не было другой возможности сохранить честное имя. С тех самых пор в церковных кругах и светских гостиных, не смолкали споры.

"Скоро ты узнаешь, кто прав!" – мысленно усмехнулся Александр. Все еще боясь, что передумает, он лихорадочным движениям скинул пальто. Предсмертное письмо и тридцать серебряных рублей на помин души лежали в левом кармане. Из правого он извлек дульный револьвер и переложил в сюртук. Сев на парапет, перелез на другую сторону и замер над водой. Держась левой рукой за холодные скользкие перила, пытался представить, как следующим утром какой-нибудь бродяга обнаружит его одежду. Радуюсь находке, будет обшаривать карманы и наткнется на письмо и деньги, которые обеспечат ему пару месяцев относительно сытого существования.

А в это время на городские крыши упадет алое покрывало рассвета. Яркими утренними красками заиграют купола Василия Блаженного, вспыхнут золотые главы Кремлевских соборов. Из ожившей подземки через мост на сторону Замоскворечья потянется служивый люд: чиновники мелкого ранга, приказчики продуктовых лавок, служители нотариальных контор, торговые агенты купеческих товариществ. Шинели, дешевые меховые пальто, потускневшие от грязного московского воздуха кокарды. И в этом потоке мелькнет порой веселый жизнерадостный взгляд и раскрасневшиеся от мороза щеки молоденькой компьютерной барышни...

Придерживаясь локтем за парапет, Александр в последний раз прокрутил барабан. Приставил дуло чуть ниже левой грудной мышцы и нажал на курок. Только в самый последний миг попытался остановить палец. Но было уже поздно. Легкий спусковой механизм успел сработать. В глазах потемнело. Казалось, его швырнуло в бездну, но сознание не исчезло, и почему-то не было разрывающей грудь боли:

" Неужели все так быстро?"

Не успел это подумать, как снова вернулось зрение. Он по-прежнему балансировал на узком пяточке между перилами и уходящим в темную воду гранитным обрывом. По другую сторону протоки над Болотным островом нависала бронзовая громада Михаила Второго. В призрачном свете фонарей спаситель монархии и отечества показался ожившей статуей командора. Еще более зловеще смотрелась подсветка кремлевских соборов. Лучи прожекторов, скрестившись на куполе Ивана Великого, словно гигантский меч, вонзались в черное небо. Снова, обдавая ледяной замогильной жутью, налетели мысли о преисподней.

Не так давно Александр сподобился прочесть популярную в светских кругах книгу-пророчество. Ее автор, сын известного российского литератора, ссылаясь на якобы снизошедшие ему откровения, описывал картины кругов ада. Все, что Александр сейчас видел, очень походило на одно из этих жутковатых местечек.

" Вот тебе и указ священного синода!" – с неуместным цинизмом подумал новоиспеченный самоубийца. Правда, была еще одна куда более прозаичная версия. Заряжая револьвер, он не доложил патрон, оставив один шанс из семи на волю Провидения. При его обычном "везении" вероятность мизерная, практически нулевая. Но высшие силы могли использовать предоставленную возможность!

Револьвер все еще лежал в правой ладони. Направив его вниз, он снова нажал на курок. Содрогнувшись, дуло выплюнуло струю огня. Задев гранитную облицовку, пуля с характерным звуком срикошетила в воду. Следом полетело и само оружие. Протока беззвучно поглотила его, поставив точку над неудавшейся попыткой суицида. Вцепившись пальцами в скользкие перила Александр, перекинул тело на другую сторону парапета. Чувство, которое он сейчас испытывал, наверное можно было назвать радостью, но уже в следующий миг с новой силой обрушился проклятый вопрос:

" А что дальше?"

Съемное жилье, которое он привык называть домом, находилось километрах в десяти отсюда, в одном из "доходных" кварталов старой столицы. Последние годы семейное гнездо больше походило на крепость с выбитыми воротами, но пока еще хранило иллюзию былого тепла и уюта. Однако, не пройдет и нескольких дней, как стены окончательно рухнут, и в цитадель с победными воплями ворвутся силы хаоса. В понедельник ревизионная комиссия обнаружит недостачу в кассе окружной дворянской опеки. Дальше всеобщий позор, лишение сословных привилегий, увольнение с волчьим билетом, похожая на чумной карантин социальная изоляция.

Он уже чувствовал раскаяние от собственного малодушия, но пути назад не было. Револьвер отправился на дно вместо своего хозяина. Как человек, с детства умеющий плавать, он вряд ли сумеет утонуть, не пустив перед этим в себя пулю. Да и есть ли у него право снова испытывать судьбу? Игра в рулетку со смертью была честной. Всего лишь один шанс из семи, и кто-то там наверху дал ему эти четырнадцать процентов.

"Может для того, чтобы начать с чистого листа?"

Возможность все начать заново показалась вдруг очень простой и доступной. Когда утром обнаружат пальто с предсмертной запиской, вряд ли кто усомнится в его самоубийстве. Для всех знакомых и близких он умрет, искупив своим поступком вину и сохранив честное имя. А тем временем где-то на задворках Москвы из ниоткуда объявится человек, очень похожий на новопреставленного раба божьего. Жизнь, которую он начнет, будет незавидной. Ни работы, ни денег, ни одного родственника и даже просто знакомого. И все же это лучше, чем позор и всеобщее презрение!

Окончательно приняв решение, Александр поднял пальто и повесил на ограду. Запустив руку в карман, извлек кошелек с тридцатью серебряниками и переложил в сюртук. Теперь нужно было как можно быстрее исчезнуть. Перейдя дорогу, он легким спортивным бегом двинулся по внутренней стороне набережной. Холодный февральский ветер пронизывал насквозь

камлотовую ткань сюртука и тонкий хлопок сорочки. Это косвенно подтверждало факт холостого выстрела, однако, он так до конца и не убедился, что пребывает в своем прежнем мире. Прносящие мимо автомобили только усиливали подозрения. За сверкающими металлическими коробками и затемненными стеклами не угадывалось даже намек на живую человеческую душу. Провожая взглядом их улетающие огни, Александр бежал дальше. А сверху из холодной черной мглы, смотрели на него молодой шербатый месяц и одна единственная звезда. Она казалась неестественно яркой и походила на око Саурана, перенесенное из сумеречных фантазий Альбиона в задымленное небо азиатской столицы.

Глава 2

Широкой прямой лентой в набережную воткнулась Большая Ордынка. О людях здесь напоминал лишь неубранный после масленичных гуляний мусор. В прозрачном свете уличных ламп ветер вместе с поземкой тащил по пустым тротуарам обертки конфет, пластиковые коробки, стаканы из-под американской шипучки, а за мостом на другой стороне реки прожектора кровавыми языками облизывали завитки куполов Василия Блаженного. И по-прежнему не отпускали мысли о преисподней.

Только когда он свернул на Пятницкую, в облике города снова стала проступать прежняя реальность. Улица славилась ночными заведениями, куда, забыв о сословных различиях, приезжали весело отдохнуть беспоместные дворяне, купцы третье гильдии, состоятельные разночинцы. И сейчас за дверями ресторанчиков и трактиров угадывалась жизнь. Слышалась музыка, свет из окон казался теплым и рождал ощущение уюта. А у строения под номером три Александр увидел, наконец, живое человеческое лицо, хотя назвать его так можно было только с большой натяжкой. Высокий грузный господин в распахнутой шубе, придерживаясь за стену у входной арки, справлял прямо себе под ноги малую нужду. Заслышав шаги, он поднял похожую на свиное рыло образину. Заплетающийся язык с трудом выдавил сакраментальный вопрос:

– Ты кто?

Не утруждая себя таким же бессмысленным ответом, Александр прошел мимо. В это время сверху послышалась музыка. На втором этаже дома находился ресторан "Семь самураев". Оформленное в японском стиле заведение славилось хорошей восточной кухней, приличной публикой и вполне доступными ценами. Когда-то, в счастливую пору супружеской жизни, Александр часто приходил сюда с женой. И сейчас, вспомнив небольшой разгороженный бамбуковыми перегородками зал, он почувствовал, что ему просто необходимо немного посидеть в тепле и привести в порядок мысли.

Поднимаясь по винтовой лестнице, он прошел мимо аквариума с экзотическими японскими рыбками. На верхней площадке между кухней и залом проскочила черноволосая официантка в наряде гейши. Александр двинулся следом за ней, но дорогу преградил ряженный под самурая калмык.

– Нельзя вам туда, сударь!

Поведение хранителя дверей легко объяснялось. Человек без верхней одежды и в испачканном сюртуке представлял потенциальную угрозу для почтенной публики. Калмык просто добросовестно выполнял указания хозяев. Но Александр не привык к тому, чтобы его вот так запросто выставляли из приличного заведения. Бросив сквозь зубы "Пшел, прочь!" он попытался отодвинуть живую преграду. Но местный самурай оказался не слабого и неробкого десятка. Набывчившись и упираясь в пол короткими кривыми ногами, он устоял и даже оттолкнул назойливого посетителя. От такого обращения дворянская кровь горячей волной ударила в голову. Еще бы мгновение и на зарвавшегося хама обрушилась оплеуха. Почувствовав это, калмык резко отскочил назад и испуганной скороговоркой выпалил:

– Не балуйте, сударь! Сейчас городских мигом вызовем. У нас тут наряд в соседнем доме дежурит.

Упоминание о полиции сразу охладило воинственный пыл. А калмык уже примирительным тоном продолжал:

– Ехали бы домой, барин! У нас тут рядом "Извозов" дежурит. На Якиманке, по случаю масленицы, подземка всю ночь работает. Так что езжайте с Богом! Погуляли уже...

Спускаясь по лестнице, Александр чувствовал как с него, словно клочья рваного кафтана, спадает дворянская гордость. Холуй с азиатской физиономией не пустил в ресторан, и это только начало. Дальше будет хуже! Такова расплата за жизнь, которую выбрал вопреки требованиям чести.

После краткого пребывания в тепле, февральский ветер показался еще более сырым и холодным. Вопреки заверениям, черно-желтых "Русланов" таксомоторного товарищества "Извозов" нигде не наблюдалось. Полицейский наряд в соседнем доме, скорее всего, тоже был выдумкой. Даже пьяный за прошедшие пару минут сумел куда-то исчезнуть. Опять навалилось жутковатое ощущение, что это не тот город, в котором он прожил большую часть своей непутевой жизни. Оно еще больше усилилось, когда проходил мимо недостроенного вестибюля подземки. Давно обещанную градоначальником станцию "Замоскворечье" много лет не могли ввести в эксплуатацию, и горожане уже воспринимали глухой забор между трамвайными путями и Пятницкой, как привычную деталь пейзажа. А этой ночью на пяточке между стройкой и проезжей частью кто-то устроил аутодафе. На костре из досок пылало тряпичное чучело масленицы. Рядом исполняли безумный ритуальный танец несколько одержимых дьяволом или просто вусмерть пьяных бродяг. Блики огня вырывали из тьмы оскаленные в хищных ухмылках лица. Тела дергались, будто в пляске святого Вита, и, казалось, пылающий рот чучела хохочет над происходящим.

Александр всегда боялся даже самому себе показаться трусом. Но стало так жутко, что он снова побежал. В спину полетели насмешливые крики, и даже казалось, что кто-то зовет его по имени. Когда костер скрылся за углом дома, он перешел на шаг и остановился у заведения братьев Птициных. Этот трактир также славился хорошей кухней, а демократичная обстановка и возможность всего за пару рублей вкусно и сытно поесть привлекала сюда народ разного достатка и звания.

Переступая порог, Александр поймал себя на том, что уже боится, как бы его опять не выставили на улицу. На счастье у Птициных все было проще и демократичней. Половой в белых штанах и расписной рубахе, подскочив к гостю, любезно поинтересовался:

– За столик с обслуживанием желаете?

Стараясь держаться как можно уверенней, Александр отказался от дополнительной услуги. Потеряв к нему интерес, половой протянул "Как будет, угодно-с!" и, тряхнув зализанным чубом, растворился в полумраке зала. Чувствую как живот сводит от ароматов специй и жаренного мяса, Александр свернул к раздаточной стойке. Здесь на длинных железных лотках, на манер американского фастфуда, лежали блюда на любой выбор: Салаты с опятами, маринованные "царские" грузди, заливное под хреном, еще пышущие жаром пирожки, расстегаи со стерлядью и осетриной, кавказский шашлык, картошка с мясом и грибами в горшочках. По случаю масленицы, почетное место занимали блины.

Взяв расписанный "под Жостово" поднос, Александр двинулся вдоль стойки. Глотая слюну, старался найти блюда подешевле. Однако, не удержавшись, выбрал большой расстегай, блины с розовой исландской сельдью, розетку с бочковыми огурцами и жаркое в горшочке. На кассе взял себе еще четверть штофа "Смирновской". В итоге весь заказ вышел на два с половиной рубля. Очень кстати в кармане сюртука обнаружилась заваливавшаяся трехрублевая купюра, и ему даже не пришлось залезать в кошелек с "заупокойными" серебряниками. Пересчитывая

сдачу, он с горечью думал, что в скором будущем придется пользоваться какой-нибудь дешевой харчевней на окраине Марьиной рощи. А еще дальше не хотелось заглядывать даже в мыслях.

На маленькой эстраде посередине полутемного зала слепой баянист играл "На сопках Маньчжурии". Заведения не страдало от нехватки клиентов, и только у самой стены удалось найти незанятый одноместный столик. Не снимая блюда с подноса, он до краев налил граненый шкалик и залпом его опрокинул. Закусил огурцом, который хрустел на зубах в лучших традициях трактирной кухни. Снимая ледяное оцепенение, по телу разлилось тепло. Осторожно надкусив свернутый в трубочку блин, он ощутил на деснах нежный вкус сельди. Чтобы удержаться на гребне блаженства, опрокинул еще одну рюмку, потом не спеша принялся за жаркое. Старался растягивать и смаковать каждое мгновение этой роскошной трапезы, над которой дамковым мечом нависало "Больше ты этого себе не позволишь".

Публика в зале собралась самая пестрая. Большой стол перед ним занимала компания молодых приказчиков. Вели себя молодые люди довольно шумно, но границы приличия не переступали. За столиком слева, разложив перед собой портативные компьютеры, расположились две барышни в облегающих свитерах и американских ковбойских брюках. Судя по тому, с каким независимым видом девицы из больших кружек потягивали через соломинку пиво, можно было догадаться, что это нигилистки. На мужчин барышни подчеркнуто не обращали внимания. Однако, поймав на себе взгляд Александра, одна из них стрельнула в его сторону глазами, но тут же скорчила презрительную гримаску и демонстративно отвернулась. А в это время из другого конца зала на площадку перед эстрадой вывалился пьяный купец. Заказав баянисту "Комаринскую", он начал неуклюже плясать под хохот и хлопки собутыльников.

Это была жизнь:– яркая, пестрая, порой нелепая в своих сумбурных проявлениях. Александр больше не жалел о том, что Провидение подарило возможность находиться здесь, а не шагнуть в страшную неизвестность под черной водой протоки. Если бы можно было повернуть время, то он бы перенесся сейчас не на набережную, а в маленькую чайную на Садовом, где пару месяцев назад опрометчиво дал согласие вложить деньги в рискованное предприятие.

" Хотя, лучше уж вернуться на много лет раньше!"

Память заскользила по дорогам прошлого, стараясь найти отправную точку излома:

" Не надо было соглашаться принять кассу опеки? А может быть виноват неудачный брак и нелепые попытки доказать ей и себе, что ты чего-то в этой жизни стоишь? Или все началось еще раньше, когда предпочел гражданскую службу, а не военную карьеру. А, может, виновата специальность, которую выбрал?"

Он вспоминал тяжелые объяснения с родителями, когда вопреки их настоянию, поступил на курсы Сельскохозяйственной академии, а не в Высшее инженерное училище. Более послушный и прилежный младший брат уже успел сделать карьеру в концерне "Сикорского". Теперь он был гордостью семьи. А про своего первенца отец даже стеснялся говорить с приятелями из дворянского клуба. Должность продуктового инспектора общественных столовых уважения в светских кругах не вызывала.

Да и сам он разве хотел такой судьбы! Это память о старом помещицком доме в Чангаровке, о проведенных там счастливых годах детства, заставила свернуть на этот путь. В юношеских мечтах он видел, как выкупает заложенное родителями имение, как, продолжая труды своего деда, восстанавливает хозяйство. Реальность оказалось куда прозаичнее. По стечению ряда причин, главными из которых стали дворянская лень и соблазны студенческой жизни, академию он окончил с посредственной аттестацией. О карьере в сельхоздепартаменте министерства или агроконцерне "Сытноедов" можно было забыть. После окончания курсов выбирать пришлось между должностью помощника управляющего в каком-нибудь подмосковном хозяйстве и низким чином на государственной службе. Для молодого человека из дворянской семьи второй вариант все-таки был более предпочтительным. Однако, пребывая в должности инспектора и не беря взятки, откладывать деньги на выкуп имения оказалось очень сложно. А

после женитьбы быстро растаяло и то небольшое, что успел накопить. Так что, вместо вдохновенного труда на родовой ниве, приходилось целыми днями ездить по продуктовым складам и скотобойням, заниматься делом неблагодарным и скучным. Возвращение в родовое гнездо так и осталось солнечно-зеленой мечтой детства. Но сейчас, когда впереди маячило лишь голодное нищенское существование, в голову пришла парадоксальная мысль:

" А ведь если дотянешь до лета, можешь туда вернуться!"

Не успел он так подумать, как воображение с беспощадной реалистичностью нарисовало один из вариантов будущего:

Опустившийся бродяга сквозь заросли чертополоха и крапивы пробирается в обветшалый дом с заколоченными окнами. Атакуемый призраками прошлого, идет по коридорам. Через пустой проем попадает в бывшую детскую. Прихлебывая из бутылки мутное сивушное пойло, ложится передохнуть на место, где раньше стояла его кровать. И уже в замутненном сознании глядит в заколоченное окно, вспоминая, как в детстве, просыпаясь, видел там прыгающих по веткам птиц...

Баянист закончил играть. Появившаяся откуда-то барышня в красном свитере и синих американских "ковбоях" помогла ему сойти с эстрады, взяв под локоть, повела мимо столиков. В протянутую шляпу полетели медные деньги. Закончив обход, она сдала слепого маэстро на попечение полового, а сама вернулась к эстраде. В ее руках баян звучал не так профессионально, но гораздо живее. Раскачиваясь в такт мелодии, она входила в песню с душой и азартом. На простом милом лице полыхали алым румянцем пухлые щеки, глаза задорно стреляли по залу. Александру почему-то казалось, что она чаще всего смотрит в его сторону. Скорее всего, это была иллюзия, создаваемая лукавой исполнительницей у доброй половины зрителей, но он верил в обман.

Под громкие аплодисменты она отложила баян и взяла из рук полового скрипку. И тут случилось настоящее чудо. Чардаш Монти она играла уже только для него. Огненная мелодия на несколько мгновений вырвала из лап безысходности. Пока звучала музыка, они смотрели только друг на друга. Когда последнее движение смычка потонуло в криках браво, Александр отвел взгляд. В этот миг он мысленно дал себе клятву, вырваться из тупика, в который загнала судьба.

Глава 3

Туман над городскими крышами скрадывал краски рассвета. Под его белым покрывалом город досматривал тяжелые похмельные сны, и над притихшей Пятницкой далеко разносились шаги одинокого пешехода. Со стороны набережной им вторили звуки скребков и метел. Уходя в промозглую сырость пустынной улицы, Александр пытался представить, как бригада калмыков в белых клеенчатых фартуках находит на парапете пальто. Как заскорузлые пальцы обшаривают карманы, натываются на письмо, потом на своем шелестящем, как степной ковыль, языке инородцы обсуждают, что делать с находкой. Скорее всего, отнесут в полицию. Но, если хваленая честность московских дворников окажется лишь легендой, еще одну копию предсмертной записки найдут на рабочем столе в кабинете. Рано или поздно до нее доберутся: либо сослуживцы, либо комиссия дворянской опеки, в крайнем случае, домовладелец, когда придет за квартирной платой. А может быть, устав изображать непримиримость, вернется супруга.

" Интересно, кто раньше?" – думал Александр, мысленно усмехаясь. После холостого щелчка револьвера и бессонной хмельной ночи на него снизошло какое-то отрешенное спокойствие. Все тридцать пять лет прошлой жизни, утратив былую вселенскую значимость, стали объектом скептического взгляда со стороны. И этот сторонний наблюдатель был уже не

Александр Чангаров, а некий незнакомец, не обремененный грузом воспоминаний и кодексами сословных правил.

С правой стороны за перекрестком из тумана выплыли красные барочные стены собора св. Климента. Над ними, пока еще не четко, сквозь белую пелену проступали шатровые верхушки башен и украшенные звездами миниатюрные купола. Здесь Александр повернул в переулок и, дойдя до Ордынки, снова сделал поворот. Теперь впереди просвечивались белоснежные кокошники храма Николая Чудотворца. Он представил, как через пару часов, встречая Прощенное воскресенье, ударят колокола всех замоскворецких церквей. Стоня сидящих на крестах галок, торжественный гул поплывет над просыпающимися улицами, возвещая о скором наступлении Великого поста. К тому времени он доберется до северной окраины города. Там, в прирастающей кварталами доходных домов Марьиной роще, по слухам, еще остались дешевые гостиницы, где традиционно не спрашивают паспорт, а в лавках старьевщиков можно почти за бесценок приобрести все, от поношенной обуви и одежды, до краденного радиотелефона.

Поворачивая в Пыжевский переулок, он задержался взглядом на высоком здании новой постройки. Концерн "Сикорского", находясь под высочайшим покровительством, не утруждал себя соблюдением градостроительных правил. Верхние этажи надменно и аляповато возвышались над исторической застройкой. Александр вспомнил, как один раз приходил сюда, переговорить с братом по какому-то семейному делу. Больше всего в память почему-то врезался гвардеец в форме воронежского вертолетно-десантного полка, долго и придирчиво проверявший пропуск. Дальше был увешенный зеркалами лифт, поднявший его на четвертый этаж в молчаливой компании сотрудников концерна, и широкий коридор где, балансирую на высоких каблуках, сновали с папками документов компьютерные барышни. Все, как на подбор, высокого роста в белоснежных блузках и длинных облегающих юбках.

"Интересно, как Николай воспримет известие?"

Александр попытался представить измениться ли всегдашнее выражение деловой целеустремленности на лице брата. Не почувствует ли он смятение перед вихрями хаоса, изломавшими судьбу близкого человека.

"Скорее всего, переживать будет, но не слишком долго. В скором времени и у него и у родителей все вернется на круги своя."

Миновав коротенький Пыжевский, он оказался на Старомонетном, который, сделав плавный зигзаг, вывел на Большую Полянку. Здесь, повинуясь привычке, ноги сами повернули направо. Туда где лубочно-нарядный храм святителя Григория соседствовал со стеклянно-бетонным модерном книгоиздательства Вольфа. В былые годы Александр часто делал здесь приобретения для семейной библиотеки. Однако, прежний любитель провести воскресный день в кабинете с любимой книгой, покинул этот мир минувшей ночью на Кадашевской набережной. А его приемнику надлежало идти в другую сторону.

Через Хвостов переулок он выбрался, наконец, на Якиманку и двинулся в сторону Калужской площади. На углу Спасоналивковского переулка в стареньком "Енисее" дремали филеры охранного отделения. Сквозь запотевшие стекла Александр сумел разглядеть серые сюртуки и храпящие усатые физиономии, словно срисованные с карикатур либеральной прессы. Чуть дальше по улице виднелся порученный их заботам объект. В похожем на сказочный терем доме Игумнова с тридцать шестого года располагалось посольство Германской социалистической республики. В старую столицу расчетливые и осторожные немцы переехали в самый разгар финского кризиса, когда над Петроградом нависла угроза бомбардировок англо-французской эскадры. Около десяти лет назад, после объединения, страна снова стала просто Германией. Висящий над входом флаг к красному полотнищу добавил имперского орла, а также черную и желтую вертикальные полосы.

Проходя мимо, Александр вдруг подумал:

" Верят ли колбасники в то, что в одной из стен посольства замурована неверная любовница купца Игумнова?"

Ему даже представилась, как инженеры германской службы безопасности, выискивая микрофоны охранного отделения, натываются на женский скелет. Находку тщательно измеряют и фотографируют, а потом все материалы ложатся в папку с грифом совершенно секретно.

В ста шагах от посольства находился скромный стеклянный вестибюль станции Якиманка. Прежде чем спуститься в подземку, Александр кинул взгляд на другую сторону Садового кольца, где над Калужской площадью возвышался засиженный птицами памятник его царственному тезке. Похожий на своего могучего деда бронзовый Александр Четвертый держал в руках карту южных Курил и Сахалина. По замыслу архитекторов это должно было напоминать подданным, как благодаря монаршей воле состоялось возвращению в империю потерянных в первую японскую территорий. Правда, о, случившемся в самом начале царствования отделения Финляндии и Закавказья, в этой скульптурной композиции ничего не намекало.

Другим важным итогом восточной политики харизматичного монарха стал договор о "вечной дружбе" с Поднебесной империей и учреждение Маньчжурской свободной экономической зоны. В последние годы русский капитал, помноженный на трудолюбие местного населения, создавал там новое экономическое чудо. Правда, в целом на экономике страны это не всегда сказывалось лучшим образом. Отток денег и энергичных людей к восточным границам, и приток оттуда дешевых товаров, ставили в тяжелое положение многие традиционные производства центральной России. В числе пострадавших оказался и сам Александр. В верхнем ящике его рабочего стола, до сих пор лежал пухлый пакет акций одной из дочерних компаний концерна "Морозов". На покупку ушли все сбережения и часть денег из кассы опеки. А теперь, после отказа правительства в обещанной концерну господержке, они стоили чуть дороже бумаги, на которой их напечатали.

Спускаясь по механической лестнице под землю, Александр думал о том, как неисповедимы порой пути Господни. Принятые несколько десятилетий назад политические решения, неожиданным и роковым образом могут сказаться на судьбе еще не родившегося тогда человека. А потом внезапно обожгла мысль:

" А ведь Маньчжурия может стать твоей Землей обетованной!"

По расхожему мнению, энергичный человек всего лишь с несколькими тысячами рублей начального капитала имел все шансы без каких либо бюрократических проволочек начать там свое дело. Плацкарт до Хабаровска обойдется чуть дороже семи рублей. Дело оставалось за малым – достать несколько тысяч.

Поезда в подземке шли с увеличенными интервалами. Но, несмотря на это, целых два пролета Александр ехал один в вагоне. Только на Китай-городе зашли несколько мужчин с чемоданами. Все они, словно выращенные в одном питомнике молочные поросята, были крепкие розовощекие, в длинных кожаных пальто и кепи с откинутыми вверх ушами. По странной местечковой моде, в последние время так любили одеваться курляндские помещики. Подтверждало это манера говорить и долетавшая сквозь стук вагона мешанина русских и немецких слов.

После одетого в мрамор Китай-города следующие станции, начиная с Мясницкой, больше напоминали казематы Петропавловской крепости. Глядя на унылые скаты бетонных стен, Александр вспомнил, рассказы отца о том, как в Государственной Думе обсуждался проект реконструкции и расширения Петроградской и Московской подземки. Уже не молодой архитектор с забавной фамилией Душкин пытался убедить высочайшее собрание, что подземные интерьеры, через которые ежедневно проходят десятки тысяч людей, имеют право выглядеть как дворцовые залы. По его мнению, это бы способствовало психологической разгрузке и улучшению морального климата в обществе. Доводы нашли отклик у законодателей, проект с небольшими купюрами был принят. Но потом, из-за традиционной нехватки денег, прави-

тельство положило его под сукно. Подземные дворцы остались нереализованной мечтой, а, может быть, достоянием какой-то иной реальности. И сейчас Александр опять почувствовал, что пребывает где-то на границе между разными мирами. На станции Сухаревка, стены вдруг засверкали мраморными плитами, а с потолка из огромных люстр брызнули мощные потоки света. В вагон стали заходить какие-то странные люди. Их пестрая яркая одежда напоминала картинки из модных европейских журналов. Но через несколько мгновений мираж исчез. Поезд, набирая ход, снова вез почти пустой вагон мимо серых бетонных блоков с позеленевшими от грунтовой воды стыками.

Курляндские помещики сошли на Рижском вокзале, и женский голос из репродуктора сообщил, что следующая станция Сельскохозяйственная, конечная.

Трамвайные пути начинались у чугунных ворот Главной Имперской сельскохозяйственной выставки. Вагон германского производства, подпрыгивая на стыках российских рельс, повез его мимо усадьбы Шереметьевых в сторону Марьиной рощи. Сначала он опять был в одиночестве. Лишь после поворота, на перекрестье с улицей Кащенко Луг в вагон заскочила парочка молодых людей в грязно синих "ковбоях" и бесцветных куртках. На следующей остановке степенно зашли несколько подмосковных крестьян в потертых овчинных тулупах. На Александра другие пассажиры посматривали с явным любопытством. Он старался не замечать этих взглядов. Однако, хорошо понимал, что вид человека в дорогом сюртуке без верхней зимней одежды неизбежно вызывает нездоровый интерес и подозрения.

С правой стороны по ходу трамвая замелькала решетка московского ботанического сада. Слева проплывали безликие фасады доходных пятиэтажек. Увидев на одном из них вывеску "Гостевой дом ком. товарищества "Свиридовъ" Александр сошел на ближайшей остановке. По дороге к гостинице, словно по заказу, попала вещь лавка. В торце пятиэтажки над входом в подвальное помещение висела вывеска с неуклюжей претензией на остроумие:

" Для экономных господ, а также любителей широко погулять! Продажа и скупка товаров "Второй руки" Здесь можно дешево купить, поможем и штаны пропить!"

Пока он спускался по ступеням, на встречу из дверей лавки вынырнул и проскользнул мимо какой-то тип в низко надвинутой на глаза вязанной шапке. Хотя они столкнулись почти нос к носу, Александр не успел, даже в общих чертах, разглядеть лицо, будто это важная часть головы у незнакомца вовсе отсутствовала. В такой безликости чувствовался некий профессиональный навык, и, проводив взглядом быстро удаляющуюся фигуру, он невольно подумал, что здесь не брезгают скупкой краденого.

Внутри лавки пахло нафталином и старой одеждой. Плотно сложенный бородастый тип в душегрейке больше походил не на приказчика, а на хозяина заведения. Надменно сытые щеки, наглые и шустрые, как черные тараканы, глаза выдавали хамскую натуру. Когда Александр вежливо спросил можно ли посмотреть верхнюю одежду, лавочник, усмехнувшись, поинтересовался:

" Чего, шубейку прогулял на широкой масленице? Или на Сухаревке на гоп-стоп взяли?"

В ответ на такой тон прежний Александр Чангаров должен был гордо развернуться или даже влечь пощечину. Но теперь, пропустив хамство мимо ушей, он спокойно ответил:

– Вам что за дело, любезный. Я же не спрашиваю, где товар берете.

Укол видимо попал в точку.

" Пошел отсюда, голь конторская!" – побагровев, зарычал хозяин. Не спеша, развернувшись, Александр двинулся к дверям. На ходу так же спокойно бросил:

" Может в участок зайти? Рассказать, кто тебе товар носит."

– Тебе чего надо! – еще громче заорал лавочник, но сквозь ярость в голосе теперь проступали нотки испуга.

– Да так, ничего. Одежду хотел посмотреть, – пожал плечами Александр.

– Так давай смотри, и отваливай!

Дальше разговор от эмоций перешел в деловую плоскость:

– Вот, на любой выбор! – буркнул хозяин, показывая на стойку где, висели мужицкие тулупы, потертые до дыр мотоциклетные куртки, пошитые в маньчжурской зоне синтетические пальто с искусственным мехом. Единственной приличной вещью оказалась добротная шинель, из тех, что носили чиновники среднего ранга и представители инженерного корпуса. Она пришлась почти в пору, только рукава были чуть коротковаты.

– Хорошая вещь. На семь с полтиной потянет – заявил хозяин и выжидающе посмотрел на клиента.

– За пять отдашь? – срезал Александр.

– За шесть, не меньше!

Идет. Только вот с этим в придачу, – согласился Александр и показал на соседнюю стойку, где висело несколько кепок из плотной черной материи. Они, как две капли воды, походили на те, что носили курляндцы, но пошиты были не в чопорной Риге, а где-то в лачугах Харбина.

Выходя из лавки, Александр почувствовал себя другим человеком. Защищая от сырой промозглости туманного утра, кепи и шинель придавали уверенности. Казалось, что вместе с приличной зимней одеждой он вернул себе и частичку прежнего статуса. Поднимаясь по ступеням гостиницы, Александр насвистывал арию тореадора. И вдруг спиной ощутил чей-то взгляд. Быстро обернувшись, успел увидеть, как метрах в пятидесяти шмыгнула за мусорный бак худенькая детская фигурка.

" Лавочник послал, проследить. Дернул же черт пугать полицией! "

Со стороны желудка накатила волна нервного спазма. Но он быстро взял себя в руки. Человек, переживший щелчок револьвера над черной протокой, не должен был бояться козней местного жулья!

Глава 4

Трещины на штукатурке, отсутствие лифта и замытые до дыр ступени лестницы явно не соответствовали количеству звезд над входом отеля. А портье за низенькой деревянной перегородкой больше походил на трактирного полового. Пока он записывал нового постояльца в конторскую книгу, на стол, шевеля усами, выполз большой рыжий таракан. Привычным движением молодой человек смахнул наглеца на пол и продолжил писать.

Документов здесь действительно не спрашивали, и Александр назвал первую пришедшую на ум фамилию, Птицын. Паспорт лежал во внутреннем кармане сюртука, но он твердо решил нигде не светить его, пока не пройдет достаточно времени, и дело о самоубийстве дворянина Александра Чангорова переместится в полицейский архив.

– Откуда к нам прибыли? – неожиданно поинтересовался портье.

– Из Петрограда, – ответил Александр после небольшой заминки.

– О, не часто у нас столичные гости! – оживился молодой человек. – Не на Обводном канале случайно проживаете. У меня там сестрица горничной служит.

– Нет, я на Екатерининском живу, недалеко от Спаса.

Александр тут же пожалел об излишней подробности.

" Вдруг, этот любопытный малый поинтересуется номером дома! "

Отсутствие контроля документов могло компенсироваться тем, что обслуга доносит в полицию. К счастью, портье ничего больше не стал спрашивать. Взяв три рубля за двое суток вперед, он вручил новому постояльцу ключ с большой биркой и пожелал хорошо провести время в старой столице.

В номере стоял затхлый запах, и Александр первым делом распахнул окно. Холодный сырой воздух пополз по комнате, разгоняя застоявшийся дух табачного перегара. Почти все пространство узкого, как школьный пенал, помещения занимала скрипучая полутороспальная кровать. Желтые обои за ней, видимо от ног и коленей постояльцев, были вытерты до нейтрально серого фона, на котором краснели ошметки раздавленных клопов. За боковой дверцей при входе обнаружилась еще одна, совсем крохотная комнатка, с умывальником и унитазом. Завершал список предоставленных удобств висевший на стене за кроватью трехканальный радиоприемник.

" Твой новый дом!" – думал он, оглядывая гостиничную обстановку. Один вид этих стен у человека чувствительного мог вызвать глубокую депрессию. Но вскоре, притупляя все мысли и чувства, навалились усталость. С трудом заставив себя снять одежду и умыться, он рухнул в объятия серых простыней казенной кровати, и, засыпая, услышал далекий звон колоколов из какой-то подмосковной церквушки. А когда открыл глаза, за окном уже висел синий февральский закат.

Просыпаться хорошо с восходом солнца. Если же пробуждение приходится на вечерние часы, организм восстает против насилия над природой. И сейчас, помимо отвратительного самочувствия, навалилась еще и пронизывающая тоска. Несколько минут Александр неподвижно сидел на кровати, уставившись в завиток на рисунке обоев. Потом перевел взгляд на окно. Там за полуоткрытым стеклом ветер трепал голые ветки деревьев. За ними чернел верхний этаж соседнего дома. На освещении здесь явно экономили, и только в одной из квартир сиротливо горела под потолком лампочка без абажура.

Заставив себя подняться, он попробовал включить приемник. Как ни странно, после нескольких нажатий кнопки тот заработал. Первый государственный канал передавал имперские новости: Очередной политический кризис – Дума отказалась утвердить назначение государем новых министров. Высочайшим указом смещен с должности глава Вятской губернии. Экономическая полиция проводит проверки в объединении крестьянских товариществ Тамбовщины, в связи с подозрением о монопольном сговоре для повышения цен. Все средства, собранные на великосветских благотворительных мероприятиях, будут переданы сиротским приютам и богадельням Петрограда. В изготовление блинов для благотворительного вечера "Широкая масленица в Зимнем" приняли участие великие княжны и сама императрица.

Поморщившись, Александр переключился на московский канал. Здесь тоже передавали новости. Москвичам напомнили, что с понедельника по распоряжению священного синода всем городским заведениям общественного питания вменяется в обязанность перейти на постное меню. Исключение допускается только для мусульманских чайных и кашерных столовых при синагогах. До окончания Великого поста водится также особый акциз на продажу мясных продуктов и алкоголя. Из положительного был ожидаемый в начале марта ввод в эксплуатацию третьего трамвайного кольца, а также воскресный концерт в Большом театре с участием приезжих итальянских знаменитостей.

Исчерпав запас новостей, диктор передал микрофон журналистке из отдела криминальной хроники. Молодой девичий голос бодрой скороговоркой сообщил о неудавшейся попытке ограбления ювелирного магазина на Большой Никитской, потасовке во время субботних гуляний на Ходынском поле, а в завершение о находке на Кадашевской набережной.

" ...Утром на парапете набережной было обнаружено пальто, в кармане которого лежала предсмертная записка подписанная Александром Чангаровым. По предварительной версии полиции вышеупомянутый дворянин совершил самоубийство, вероятной причиной которого стали семейные проблемы."

" Быстро версию состряпали!" – со злостью подумал Александр. Как ни странно, известие его даже взбодрило. Очередное напоминание о том, что инспектор общественных столовых коллежский секретарь Чангаров больше не существует, пробудило жажду активной дея-

тельности. Однако, для этого нужен был понедельник, а воскресный вечер совершенно выпадал из планов и грозил стать очень долгим.

В вестибюле дежурил уже другой портъё, который тоже был молод и походил на студента из разночинцев. Принимая у Александра ключ, он бросил на постояльца равнодушный взгляд и снова углубился в чтение компьютерной книги. Оказавшись на улице, Александр огляделся по сторонам. Никаких признаков слежки не наблюдалось. Это вселяло надежду, что утренний инцидент исчерпан. И все же промелькнула мысль, что неплохо бы обзавестись каким-нибудь средством защиты. Пройдясь вдоль линии похожих как две капли домов, он наткнулся на некое подобие торгового центра. На небольшом пятачке сгрудились несколько одноэтажных строений с разностильными вывесками. В этом сосредоточеннее местной жизни было относительно многолюдно. Стеклопакетные двери то и дело открывались, впуская и выпускающая посетителей. Небольшие группы плохо одетых мужчин слонялись возле полуподвального входа в харчевню и магазина торговой сети "Смирновъ". Рядом находилась скобяная лавка, где Александр приобрел хозяйственный нож с широким складывающимся лезвием. За углом он обнаружил аптеку. Купив у молодой еврейки провизорши дешевые таблетки "Крепкий сон" и маленький дорожный набор для бритья и чистки зубов, Александр вернулся к харчевне. Пока спускался по ступеням, навстречу из дверей вывалился плохо стоящий на ногах мужчина.

"Интересно, про указ синода они тут слышали?" – подумал и тут же усомнился Александр. Под полуподвальными сводами харчевни стоял гул пьяных голосов и плавали облака табачного дыма. Не похоже было, что с завтрашнего дня этот вертеп превратится в благопристойное постное заведение. Раздача еды, как и в заведении Птицыных, была организована на фастфудовской манер. Только выбор был гораздо беднее, и на металлических лотках виднелись застарелые коричневые разводы от пролитой подливки. Взяв пару пирожков, кисель и тарелку каши, Александр пошел искать свободное место. Посетители бросали на него оценивающие взгляды. Человек не из местного общества вызывал нездоровое любопытство.

Свободный столик обнаружился в дальнем конце разделенного аркой зала. По соседству гуляла компания мужчин, одетых во что-то неприметно серое. Лица их также ни чем не выделялись из окружающего фона, и Александр невольно вспомнил человека, с которым столкнулся у лавки старьевщика. За столиком ближе к арке расположилась куда более интересная парочка. Полный мужчина в добротном сюртуке явно принадлежал к купеческому сословию. Он сидел в пол оборота и в глаза бросались только окладистая борода и круглая сверкающая лысина. Его соседа Александр мог рассмотреть гораздо лучше. На вид около тридцати лет, крепыш чуть выше среднего роста. Самой приметной деталью одежды показалась вельветовая рубаха навыпуск, еще в начале века получившая название в честь графа Льва Толстого. В последнее время такой фасон вошел в моду среди представителей новодекадентской богемы. Но на поэта или художника незнакомец совсем не походил. Короткая стрижка, как у завсегдатая бойцовского клуба, веселый взгляд и волевое энергичное лицо выдавали человека совершенно иной формации. Александр почему-то сразу проникся к нему симпатией, но когда встретились глазами, поспешил отвести взгляд. Сосредоточившись на пирожках и каше, он попытался еще раз прокрутить почти сложившийся в голове план.

Единственный способ приобрести начальный капитал был криминальным. Но сейчас это совершенно не смущало отпрыска старинного дворянского рода. Все сословные предрасудки канули в черной протоке за парашетом Кадашевской набережной.

Ограбить он замыслил дворянский клуб. Конечно, не свой, а где-нибудь на другом конце города, где его никто не сможет опознать. Из общения с представителями московского дворянства Александр знал, что, в отличие от старых клубов, все подобные заведения скроены по одному типовому проекту. Охраняемый только швейцаром вход, раздевалка и туалет под лестницей. На втором этаже гостевая комната, библиотека, парадный зал, бильярдная и игорная комнаты. На всякий случай план любого клуба можно будет найти на его представи-

тельской странице в общественном Интернете. Там же он скачает список его членов с домашними телефонами. В магазине театрального реквизита на Большой Никитской надо будет приобрести парик, накладные усы и макет пистолета. Однажды, выбирая там подарок племяннику, Александр поразился, насколько похожи некоторые игрушечные модели на настоящее оружие. Стоили они дорого, но даже если не хватит денег, он сможет заложить свои швейцарские часы, подарок от семьи на тридцатилетие. Так что с экипировкой проблем не было, а вот дальше начиналась зона неопределенности.

Вечерами по пятницам в клубах шла карточная игра. Недавно купившие титул выходцы из купеческого сословия любили порисоваться и рискнуть по крупному. В банке на покерных столах скапливалось до нескольких тысяч рублей. И Александр рассчитывал, что следующая пятница исключением не станет. Часам к восьми он подойдет к дверям клуба где-нибудь в Сокольниках, из автомата перед входом сделает наугад несколько звонков, чтобы узнать, кто из завсегдаев остался в этот день дома. На входе представится другом отсутствующего и скажет, что ему назначена встреча. Скорее всего, предложат подождать в гостевой, а он, поднявшись на второй этаж, сразу свернет в игорную. Там, убедившись, что в банке лежит достаточная сумма, перейдет к главной, самой рискованной части плана.

" Как поведут себя игроки, и зрители? Не придет ли кому в голову геройствовать под дулом пистолета? А вдруг все-таки разглядят поделку?"

Однако, об утопленном револьвере Александр не жалел ни секунды. Даже после того, как решил добыть деньги криминальным путем, убийство ради наживы по-прежнему входило в разряд недопустимых поступков. Стараясь думать о благополучном исходе, Александр представил, как лопаткой крупье сгребает со стола деньги. Извиняется перед господами за прерванную игру и спокойно покидает клуб. В соседнем переулке ждет нанятое такси и минут через двадцать он уже на Ярославском вокзале. К тому времени полицейские вряд ли успеют опросить потерпевших и распространить приметы. А он избавится в туалетной комнате от парика, усов и сменит головной убор. Деньги переложит в матерчатую барсетку и смешается с толпой на перроне. Скоростной электропоезд довезет до Владимира, где он пересядет на ночной хабаровский.

Теоретически все получалось достаточно гладко. Однако, Александр понимал, что в любой момент могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. И главное, хватит ли в решающий момент силы духа?!

Рядом неожиданно послышался шум назревающей драки. За один из освободившихся столиков недавно присела супружеская пара. Молодой, похожий на приезжего крестьянина мужчина, опрометчиво привел с собой в заведение жену. Розовощекая молодуха сразу вызвала нездоровый интерес местной публики. Худой вертлявый парень, лоб которого закрывал свисающий на глаза чуб, подошел к ней и бесцеремонно начал нашептывать что-то на ухо. Его приятель молча стоял рядом и ухмылялся. После первых же слов, женщина отпрянула назад, и щеки запыхали еще сильнее. Муж попытался что-то сказать наглецам, но его тут же за бороду выволокли из-за стола. Женщина завопила о помощи, но никто и не подумал разнять сцепившихся. Отвернувшись от своих тарелок и штофов, все с любопытством смотрели за развитием событий.

После неуклюжей попытки ударить, крестьянин сам получил сильный удар в живот и, согнувшись, упал на пол. Женщина опять завопила тонко и пронзительно. И тут уже ни смог не вмешаться Александр. Воспитание не позволило спокойно наблюдать, как оскорбляют женщину и избивают у нее на глазах мужа. Крестьянина начали пинать ногами, когда он подскочил сзади и ударом в затылок свалил одного из хулиганов. Чубатый потянулся рукой к карману. Но Александр сломал его мощным апперкотом в солнечное сплетение, потом окончательно поверг вниз локтевым ударом. Оказавшись на полу, чубатый заерзал, словно перевернутый на спину жук, и тонко заголосил:

"Убили!"

Александр уже чувствовал себя победителем, и тут сработала проклятая благородная привычка. Будто находясь на тренировке в своем дворянском бойцовском клубе, он протянул поверженному противнику руку. Но вместо того чтобы встать, чубатый вцепился в нее и потянул вниз. Боковым зрением Александр увидел, что к нему подходят сзади, но ничего уже не успел сделать. Оглушив ударом в затылок, его повалили под ближайший стол и, не давая опомниться, стали бить ногами. Пытаясь ставить блоки, он смягчал удары. В голове вертелось:

"Только не сдаваться. А то забьют насмерть!"

И вдруг ситуация резко изменилась. Нападавшие разлетелись в сторону, и Александр увидел, что теперь руку протягивают уже ему. Спасителем оказался незнакомец в толстовке.

– Хорошо сражались сударь! А сейчас нам лучше этот шалман покинуть. – сказал он, широко улыбаясь. Забрав со стула шинель и кепи, Александр поспешил следом за ним к выходу. Краем глаза заметил, как один из нападавших держится двумя руками за челюсть, а еще двое пытаются подняться, хватаясь за столы и перевернутые стулья. Ни крестьянина с женой, ни купца, что сидел за столом с незнакомцем, в зале не было.

Оказавшись на улице, они быстро свернули за угол и остановились рядом с припаркованным автомобилем. Открыв ключом дверцу, незнакомец повернулся к Александру, и официально представился:

– Петр Николаевич Рахимов, разночинец, член партии "Радикальные Социалисты".

После короткой паузы он, улыбаясь, добавил.

– Если у вас не возникло желание тотчас пойти и оповестить охранное отделение, предлагаю продолжить знакомство в более приличном месте.

Глава 5

Машину Рахимов вел уверенно, словно был не революционером, а профессиональным таксистом. Впрочем, на счет его принадлежности к одной из запрещенных партий Александр все еще сомневался:

"Разве такое рассказывают первому встречному?"

Когда же решил спросить это напрямую, Рахимов усмехнулся:

– Во-первых, не первому встречному. Я имел возможность понаблюдать ваше поведение и сделать некоторые выводы. Но даже если ошибся и вы побежите доносить в охранку. Что я такого сказал? Разночинец – так это пока не преследуется. А про нелегала из эрсоцев может быть шуткой, или профессиональной уловкой. В своей второй официальной жизни я журналист "Московского папарацци".

– Желтой прессе служите? – с невольным сарказмом произнес Александр, и тут же пожалел о сказанном. Упомянутая газета в приличном обществе пользовалась крайне дурной репутацией, но попрекать этим своего спасителя совершенно не входило в его планы. Однако, Рахимов явно был не из тех, кого легко задеть и обидеть словом:

– Я, сударь, служу только революции! – весело уточнил он. Тем временем машина вырвалась из мрачных закоулков Марьиной рощи и свернула на широкую, хорошо освещенную Бутырскую.

– А куда мы едем? – поинтересовался, наконец, Александр.

– На конспиративную квартиру! – ответил Рахимов с наигранной мрачностью. Но, заметив реакцию собеседника, сразу поправился:

– Да вы, не обижайтесь на черный революционный юмор! На Тверской бульвар в хороший частный клуб едем. С одним из совладельцев я на короткой ноге. Статейки разоблачительные пишу про его конкурентов. Так что, вход в любое время дня и ночи. Еще и кредит в буфете на представительские расходы.

На какое-то время Рахимов замолчал, сосредоточившись на дороге. По мере приближения к центру движение стало гораздо интенсивнее. Старенький "Руслан" то и дело подрезали сверкающие зеркальной полировкой монстры американского и немецкого производства.

– Купеческие сынки гуляют! Мать их ...! – выругался сквозь зубы Рахимов, после очередного экстренного торможения. Когда свернули на Тверскую, он неожиданно поинтересовался:

– Кстати, когда вы представлялись, свою классовую принадлежность никак не обозначили. В нашем консервативном отечестве так вроде не принято. Или вы из принципиальных бессловцев?

– Дворянин, бывший – сухо сообщил Александр.

– Ого! – присвистнул Рахимов – Суд чести за отказ от дуэли? Хотя это, наверняка, не про вас. Может быть, недоразумения по финансовой части?

– По финансовой, недоразумения, – еще более сухо ответил Александр. Рахимова его тон совершенно не смутил.

– Ну да ладно! Надеюсь, свою историю вы мне еще расскажите, если желание будет. А за любопытство, уж извините, оно не совсем праздное. Есть предчувствие, что судьба нас не просто так свела.

Свернув с Тверской улицы на бульвар, они заехали на автомобильную парковку. Устроили ее здесь лет десять назад на месте снесенного здания аптеки, но за лакомый кусок территории до сих пор периодически разгорались имущественные споры.

– Скоро тут автомобиль нельзя будет оставить. "Сытноедов" ресторан быстрого питания по американским технологиям планирует строить. Наш "Папарации" проект активно лоббирует, – сообщил, промежду делом, Рахимов. Покидая машину, он небрежно хлопнул дверцей. А когда Александр поинтересовался, не стоит ли закрыть авто, махнул рукой:

– Это вам не Марьяна роща. Да и есть тут магниты поприятятельнее.

С последним нельзя было не согласиться. Среди припаркованных по соседству машин, даже Нева представительского класса выглядела бы очень скромно.

На Тверском бульваре мягко светили фонари. Вокруг бронзового Пушкина гуляла хорошо одетая публика. Над песцовыми дамскими шубами, чиновничьими и офицерскими шинелями, словно в рождественской сказке, плавно кружились крупные снежинки. Александр почувствовал себя так, будто его перенесли в волшебную страну. И по иронии судьбы в роли доброй феи оказался работник одной из самых скандальных московских газет, по совместительству еще и член запрещенной политической партии.

Пройдя по скверу в сторону Никитских ворот, они перед памятником Кольцову свернули налево, снова пересекли трамвайные рельсы и оказались на другой стороне бульвара. Среди отреставрированных, похожих на кукольные декорации фасадов вековой давности, выделялось строение современной архитектуры. Это был редкий случай удачного сочетания модерна и исторической застройки. Здание одновременно напоминало театр и подъезжающую к его подъезду карету. Огромные облепленные снегом фонари над входом усиливали ощущение сказки, и Александру почудилось, что его опять перебросило в какую-то иную реальность.

– Ну вот, пришли – сообщил Рахимов.

– Надо же, Лондон-клуб! – изумился Александр.

В противовес аристократическому Английскому клубу, заведение было бессловным. Пропуском сюда служили банковский счет на сто тысяч рублей либо сто десятин земли в личном владении. Сам клуб находился на втором этаже, первый занимал небольшой театральный зал, где иногда шли постановки для избранной публики. Еще с порога в глаза бросалась показная роскошь: – огромные в два человеческих роста зеркала, словно позаимствованная из Царскосельского дворца люстра, мраморные ступени и украшенные позолоченными львиными головами перила лестницы. Скинув подбитое мехом кожаное пальто, Рахимов уверенным движением завсегда вручил его швейцару в форме английского гвардейца. А Александр, рас-

ставаясь со своей шинелью, почувствовал себя представителем низших сословий на императорском приеме. Смущаясь своего помятого сюртука, он последовал за Рахимовым, который уже поднимался по лестнице.

Буфетная клуба напомнила аналогичное заведение Большого театра, где Александр полгода назад в последний раз угощал шампанским супругу. В тот день давали "Жизнь за царя" Глинки. Билеты на балкон он со скидкой достал через окружное дворянское собрание. Рассчитывал этим походом укрепить наметившееся хрупкое перемирие. Но эффект получился обратный. Неудобные места и надоевший патриотический репертуар вызвали лишь демонстративное недовольство. Он же почувствовал себя обиженным, и отношения еще быстрее покатились к разрыву. Запомнилось также, что шампанское стоило необоснованно дорого. И сейчас Александр счел нужным сообщить, что находится в стесненных обстоятельствах и за ужин на равных расплатиться не сможет. За что тут же и получил отповедь:

– Да, Бог с вами, Александр Андреевич! Сегодня вы мой гость. Не о каких деньгах, даже говорить не вздумайте.

Подозвав официанта, Рахимов заказал бутылку шампанского "Парадиз" из новосветских виноделен князя Голицына, ананасы и французский сыр на закуску. Расходы велел записать на свой представительский счет. А когда служитель не спеша удалился, признался, что частенько приходит сюда отдохнуть душой после служебных вылазок вроде сегодняшней.

– А как же идеалы всеобщего равенства? – ни смог не поинтересоваться Александр.

– А вот в этом и вся загвоздка! -торжественно подняв палец, объявил собеседник – Нету и не может быть никакого равенства!

– Но, простите, за что же тогда вы боритесь?

– За многое! За справедливость. За воздаяние каждому по делам и по грехам его. За пришествие Царства Божьего, хотя и являюсь убежденным атеистом. Только вот идея огульного равенства из всего этого никоим образом не вытекает. И низводить приличные заведения до уровня шалмана на окраине Марьиной рощи, ради торжества мировой справедливости, совсем не обязательно.

Вдохновенный монолог прервало появление официанта. Чокнувшись запотевшими бокалами, они выпили за знакомство.

– Кстати, вас-то каким ветром в ту харчевню занесло? – поинтересовался Рахимов – Как-то не верится, что вы, Александр Андреевич, в соседней лавке приказчиком служите.

Еще в машине Александр понял, что рассказать о себе ему, скорее всего, придется. Он тоже чувствовал, что встреча эта для него судьбоносная. Вопрос был только в том, какую часть правды лучше утаить. Так и не решив до конца эту проблему, он начал рассказывать. В итоге поведал новому знакомому почти все. Разве что о семейном разладе не стал распространяться.

– Да уж, история! – протянул Рахимов – Судьба с вами прямо в рулетку играет. На zero уже ставили. Я бы теперь предложил на красное.

– Вербуете? – спросил Александр с наигранной улыбкой. Он старался выглядеть невозмутимо. Но внутри все сжалось от нервного напряжения. Беседа явно подходила к кульминации, после которой придется либо навсегда разойтись, либо заключить контракт с дьяволом.

– А вы догадливы! – улыбнулся в ответ Рахимов.

– Но я же вам по классовой принадлежности не подхожу!

Собеседника эта реплика даже возмутила:

– Превратно судите, сударь! Видно, что сведения у вас из "Имперского вестника" или "Русского слова". Все эти классовые установки в прошлом. После провала германского проекта многое пришлось переосмыслить. Те самые рабочие, ради которых все затевалось, первыми отrekliсь. Своими бюргерскими умишками просчитали, что при частных владельцах пиво будет погуще и сосиски жирнее. Когда твердые спартакисты стали выбывать по старости, все покатилося назад.

– Простите! – вмешался в его монолог Александр – Разве ваше учение не за жирные сосиски для простого народа ругает?

– Вопиющая политическая безграмотность! – засмеялся Рахимов, но тут же снова стал серьезен:

– Вы, наверное, не станете возражать, что человеческое общество живет по теории Дарвина. Кто сильнее, хитрее, беспринципней, тот и на вершине пищевой цепочки. Остальные на корм, хотя и в переносном смысле. Но можете не сомневаться, если цивилизация даст трещину, тут и рабство в самой прямой форме и настоящее людоедство вылезет. Но в целом, эта всеобщая пожираловка способствует эволюционному прогрессу. Только вот для миллионов сожранных утешение слабоватое.

Прервавшись, Рахимов разлил шампанское по бокалом и предложил выпить за счастливое будущее. Наступившую паузу нарушил теперь уже Александр:

– С исходными послылками согласен! А каковы выводы?

– Хотите выводов? Ну, тогда слушайте. Сами напросились!

От шутового тона Рахимов снова перешел на серьезный. Достаточно коротко описал концепцию, по которой общество обязано сойти с дарвинистского пути развития. Вопреки заявленному атеизму, упомянул даже про искру Божью. Закончил тем, что поведет человечество к светлой цели новая элита. И это будут подвижники, с безусловным перевесом духовной составляющей над плотскими желаниями и инстинктами. И так уж исторически сложилось, что среди российского дворянства процент таких людей существенно выше:

– А вы, Александр Андреевич, для нашего дела очень даже подходите. Во первых, потому, что человек благородный. Я в этом уже смог убедиться. Во вторых, обстоятельства так сложились, что деваться вам по сути некуда. Не милостыню же просить пойдете, когда деньги кончатся!

Закончив монолог, Рахимов посмотрел на часы, потом неожиданно поинтересовался:

– Кстати, какой-то план на тот случай если бы меня не встретили, у вас, наверное, был?

Смущаясь, Александр начал рассказывать про ограбление дворянского клуба. Когда уже почти закончил, подумал вдруг, что совершает непростительную глупость:

"Разоткровенничался, как на исповеди! А ведь ты его в первый раз видишь. Назваться можно кем угодно. И революционером и даже Мефистофелем."

На всякий случай, он немного изменил концовку рассказа. Вместо Ярославского вокзала назвал Саратовский и вместо Хабаровска Воронеж.

– Ну и что же вы там, в Воронеже, намеревались делать? – с улыбкой поинтересовался Рахимов.

– Новую жизнь начинать! – мрачно ответил Александр. На что собеседник с сомнением пожал плечами:

– С четырьмя или пятью тысячами? Больше этой суммы с двух-трех покерных столов за один раз не возьмешь. Карманы у благородной публики вы, как понимаю, выворачивать не собираетесь.

– Какую-нибудь развалюху и пару десятин земли в деревне куплю. – попытался сфантазировать Александр.

– Аскетическое вас ожидает существование. Уверен, что мое предложение интересней – подытожил Рахимов. Снова посмотрев на часы, он достал из кармана и бросил на стол ключ с гостиничным брелком. Потом коротко, словно отдавая указание, сообщил:

– Номер 305, здесь на третьем этаже. Забронирован для сотрудников провинциальных отделений нашей желтой газетенки. До пятницы он ваш. Пять дней вам на размышления, а дальше либо звоните мне, либо отправляетесь грабить клуб. Только вот пистолет советую приобрести настоящий, пусть даже с холостыми патронами. Чувствовать себя будете уверенней. Ну а сейчас, прошу извинить. Вынужден откланяться.

Поднявшись, Рахимов достал из грудного кармана толстовки маленький конверт, из которого торчал краешек визитки и оставил его на столе. Уже уходя, он сказал что-то официанту. Тот обернулся к их столику и кивнул головой. А Александр, допив одним глотком остатки шампанского, заглянул в конверт. Под большой золоченой визиткой с эмблемой "Московского папарацци" обнаружилась аккуратно сложенная денежная купюра. Развернув ее, Александр увидел портрет матушки Екатерины.

Глава 6

В номере пахло дорогим ароматизированным мылом, синтетическим ковром и еще какими-то трудноуловимыми оттенками роскошной жизни. Окна выходили на Тверской бульвар, прямо напротив памятника Кольцову. Увековеченный в бронзе поэт с гитарой в руках стоял на цилиндрическом гранитном постаменте. По замыслу скульптора он был одет в широкие крестьянские штаны и цыганскую рубаху. Александр вспомнил, какие споры разгорелись в образованных московских кругах по этому поводу. Создателей обвиняли в безвкусице и популизме. А в качестве альтернативы предлагалось даже увековечить здесь не Кольцова, а другого народного поэта, чья жизнь трагически оборвалась в середине тридцатых годов уходящего века. Стихи его так и не попали в программу гимназии, зато легко ложились на музыку, и пользовались популярностью среди широких слоев общества. На опросах альтернатива неизменно набирала большее количество голосов, и только под давлением священного синода был утвержден именно "кольцовский" проект.

Распахнув окно, Александр какое-то время смотрел на медленно падающие снежинки. Внизу в свете фонарей сквозь сплетение веток можно было разглядеть только силуэты гуляющей публики. Подробности дорисовывало воображение. После всего пережитого за последние дни, ему было хорошо, спокойно и ни о чем не хотелось думать.

Когда, наконец, дал о себе знать холод, он плотно затворил раму и отправился в ванную комнату. Стены здесь были обложены плиткой небесно голубого цвета. Классическую емкость для омовения заменила пластиковая душевая кабина, а на сверкающей металлической трубе обнаружилось целых три полотенца разного размера. Рядом на стенном крючке в форме львиной головы висел махровый халат. Принимая душ, Александр долго стоял под упругими струями теплой воды. Потом постирал нательное белье, и развесил его на трубе сушиться. Чувствуя себя древним египтянином, обернул одно из полотенец наподобие набедренной повязки, и переместился к умывальнику. Здесь на широкой светло-кремовой раковине его поджидали стаканчики с одноразовыми бритвами, зубной щеткой и пастой французского производства.

Закончив вечерний туалет, он накинул халат и вернулся в комнату. Кровать показалась огромной и невольно наводила на грешные мысли, что это ложе не для одного человека. Рухнув в ее объятия, он ощутил легкое благоухание новых простыней и мягкую упругость матраса. Спать не хотелось. Взяв с тумбочки пульт для дистанционного управления, он методом проб и ошибок попытался понять, как пользоваться иностранной новинкой. В итоге, после нажатия большой красной кнопки вспыхнуло висевшее на стене окошко дальновизора. По главному имперскому каналу транслировали запись утренней службы в храме Христа Спасителя. Быстро освоив переключение, Александр перебрал несколько программ и остановился на передаче посвященной историческим событиям восьмидесятилетней давности.

Февральские волнения девятисот семнадцатого до сих пор вызывали споры среди историков и в просвещенных кругах общества. Одни видели в них нереализованную возможность быстрого и радикального реформирования архаичной политической системы, другие считали, что страна счастливо избежала тогда страшных потрясений и огромных жертв. И этим вечером известный телеведущий собрал у себя в студии трех экспертов, каждый из которых придерживался своей особой точки зрения.

Либеральные круги представлял полный светловолосый господин в коричневой толстовке. Он утверждал, что передача власти государственной Думе в том момент могла бы бескровно разрядить политический кризис. Дальше неизбежно следовало победоносное завершение войны вместе с союзниками. России приняла бы полноправное участие в обустройстве послевоенного мира, а не оказалась позорно вычеркнутой из клуба ведущих европейских держав.

Его оппонент, известный своими монархическими взглядами пожилой литератор-историк, утверждал обратное. Он считал, что никакого тайного перемирия Михаил Второй с кайзером на самом деле не заключал. После того, как для подавления мятежей пришлось снять с фронта наиболее боеспособные части, армия уже не могла вести активных действий. Немцам это позволило перебросить дополнительные силы на запад, и на российско-германском фронте наступило затишье. Но потом, летом девятьсот семнадцатого, когда Россия все еще была занята внутренними проблемами, немцы, как известно, наступление возобновили. А якобы заключенное тайное перемирие, всего лишь надуманный повод, чтобы не допустить ослабевшую союзницу к дележу послевоенной добычи. В событиях непосредственно происходивших в Петрограде историк видел предвестники всеобщей анархии, распада страны или установления диктатуры нигилистов, по сравнению с которой германский социализм показался бы весьма либеральным проектом.

Третий эксперт, будучи куда более оригинальным, доказывал, что ничего экстраординарного в феврале семнадцатого вообще не происходило. Ссылаясь на некие независимые источники, он утверждал, что все рассказы о волнениях – выдумки ангажированных властью летописцев с целью оправдать устроенный Михаилом Романовым дворцовый переворот.

Дискуссия в студии, периодически прерывалась историческими кинохрониками и демонстрацией фотографий: Толпы людей на улицах Петрограда. Михаил Второй, тогда еще великий князь, совещается в Зимнем с командирами частей, оставшихся верными правительству. Эскадроны Дикой дивизии вступают в мятежную столицу. Возвращение из отставки Столыпина. Два адъютанта помогают Петру Аркадиевичу пересесть из инвалидной коляски в освободившееся кресло премьер-министра.

Многое из того, что показывали, Александр помнил по иллюстрациям гимназического учебника истории. Но сейчас он вдруг остро почувствовал некую параллель с сегодняшним днем и главное со своей судьбой. Предложение Рахимова, которое он, скорее всего, примет, превращало его из праздного наблюдателя в активного участника грядущих событий. В обществе давно говорило о том, что назревает ситуация похожая на тот далекий февральский кризис: Явная слабость правящего монарха, резкий рост безработицы, отголоски мирового продовольственного кризиса, долетевшие, наконец, до аграрной России, обострившиеся отношения между правительством и государственной Думой. Раньше все это было лишь новостным фоном. Теперь же его, словно в воронку Мальстрема, грозило затянуть с самый круговорот событий.

За последние два дня, он, кажется, уже разучился бояться. Предложение Рахимова было не опасней того, что он задумал сам. При этом обещало жизнь куда более интересную, и не стесненную в материальных средствах. Однако, Александр все еще не мог принять окончательное решение. Мучил вопрос:

"Имеешь ли ты право посвятить свою жизнь, а, может быть, и отнимать чужие жизни, ради идеи, которую до конца не понял и ни принял?"

Передача закончилась, и он снова начал перебирать кнопки пульта. На четвертом канале шла криминальная драма по сценарию одного из подражателей Крестовского. Сюжет классика перенесли из Петербурга на задворки современного Харбина. Такие "шедевры" игрового сценариста можно было смотреть и с середины, однако, отвлечься так и не удалось. Мысли о предстоящем выборе продолжали назойливо лезть в голову. Вспомнив о снотворном,

он достал из кармана шинели помятую картонную коробку и проглотив сразу несколько таблеток. Дешевое зелье подействовало не быстро. Еще около часа он лениво наблюдал за борьбой отставного поручика с интернациональной русско-китайской компанией злодеев. Потом, вдруг вспомнив какой сегодня день, мысленно попросил прощения у родных, у супруги, у сирот, которым не достанутся растроченные деньги дворянской опеки. Поклялся, что при первой же возможности вернет все до копейки. Наконец, веки отяжелели, и пришел долгожданный сон.

Утром разбудил трамвайный звонок под самыми окнами. Обнаружив, что еще нет семи, Александр снова уснул и окончательно пробудился только от колокольного звона. Звонили из церкви на противоположной стороне Тверского. Чуть позже присоединилась колокольня Страстного монастыря. Часы уже показывали начало девятого.

Поднявшись, Александр почувствовал себя свежим и хорошо отдохнувшим. Возобновляя традицию, около получаса посвятил гимнастическим упражнениям, после чего отправился принимать душ. А еще через полчаса, чувствуя прилив энергии, он шел по коридору клубной гостиницы. У выхода на лестницу дежурила барышня в белой блузке и длинной черной юбке. Мило улыбнувшись постояльцу, она взяла ключ, а, посмотрев на брелке номер, даже обрадовалась:

– А вам только что пакет с курьерской службой доставили! Я хотела позже занести. Боялась разбудить.

Сквозь плотную бумагу прощупывался предмет похожий на небольшую книгу. Решив не возвращаться в номер, Александр затолкал его в широкий боковой карман шинели. Сбежав три этажа по лестнице, он кинул беглый взгляд на свое отражение в огромном зеркале, кивнул застывшему у дверей "британскому гвардейцу" и оказался на улице. Утро было солнечным и прохладным, но вокруг уже проступали признаки грядущей весны. Выпавший вечером снег за ночь успел немного подтаять. Под самое утро его прихватило ледяной коркой, и сейчас она испарялась и темнела под яркими солнечными лучами. Воздух был пропитан влагой. В сквере в радостном оживлении прыгали по веткам воробьи. И даже звонки трамваев звучали по-весеннему весело.

Пройдя по бульвару до Тверской улицы, он повернул в сторону Александровского вокзала. Вскоре набрел на небольшое заведение, организованное наподобие французского бистро. В небольшом зале почти не было посетителей. Только за столиком у окна оживленно беседовали две молодые дамы, и в самом углу солидный господин в чиновничьем кителе просматривал "Биржевые ведомости". Перейти на строгое постное меню здесь еще не успели. Заказав омлет, круассаны и кофе, Александр устроился у окошка. Наслаждаясь тем, что никуда не надо спешить, он смаковал приготовленный по французским рецептам завтрак. Поглядывал в окно на проходящих мимо людей, и краем глаза наблюдал за экспрессивной мимикой соседа. Под потолком над буфетной стойкой, создавая ненавязчивым фон, работал дальновизор. Неожиданно промелькнула мысль, что эти несколько оплаченных авансом дней, возможно, окажутся самыми счастливыми в жизни.

В пакете, как и предполагалось, он обнаружил небольшую книгу. Называлась она весьма экзотично: "Проект дьявола. Можно ли противостоять?", и была издана в берлинской типографии. Еще лет десять назад именно в Германии печаталось львиная доля нигилистской литературы. И после того, как либеральные указы императора сняли большинство запретов, немецкие русскоязычные издательства все еще лидировали на этом рынке. Но, после первых же прочитанных страниц, стало ясно что автор не нигилист, а человек истово верующий и православный. Проектом дьявола он называл всю западноевропейскую цивилизацию. По его мнению, процветающий европейский мир находился в глубочайшем духовном кризисе. Впереди европейцев ожидало только окончательное духовное раствление, легализация пороков и скрытая под либеральной маской диктатура, подобная власти пастуха над "вольно пасущимся"

стадом. Примеры были ярки и убедительны, тон повествования страстным. И Александр все больше проникался верой автора.

Обнаружив, что давно уже сидит перед пустой посудой, он заказал себе еще кофе и продолжил чтение. Вторая часть посвящалась России. Ей автор отводил роль последнего форпоста против наступающих сил мирового зла. Однако, видел его не в сегодняшней отсталой аграрной стране с архаичной формой правления, а в России обновленной, под властью аристократов по духу, а не по древности рода. Последнюю главу, где рассматривалось будущее устройство отечества, Александр просмотрел по диагонали. Она была слабым местом произведения, но и первых двух частей вполне хватало, для того чтобы стать сторонником идей автора. Закрыв книгу, Александр уже готов был звонить Рахимову. И вдруг внимание привлёк ставший неожиданно громким звук дальнови́зора.

Передавали экстренный выпуск новостей: – Очередное покушение на саратовского генерал-губернатора. Сам глава губернии в тяжелом состоянии доставлен в госпиталь, двое исполнителей застрелены при задержании, есть жертвы среди охраны и случайных прохожих.

Еще недавно подобные известия воспринимались, как нечто очень далекое. Теперь же он невольно примеривал на себя все происходящее. Контраст между красивыми идеалами и кадрами кровавой борьбы за их земное воплощение снова породил смятение в душе. Покинув быстро, он вернулся на Тверской бульвар. Быстрым шагом проскочил от бронзового Пушкина до Большой Никитской. Повернувшись, пошел обратно. В мыслях страшным вопросом крутилась почти гамлетовское: "Принять или не принять!". Когда возвращался к Лондон-клубу, сознание, устав от мучительной дилеммы, переключилось на вчерашнюю передачу:

"Интересно, а если бы в том далеком феврале все повернулось иначе. В какой бы стране ты сейчас жил?"

И тут опять видимая реальность, преломляясь сквозь колеблющиеся слои времени, начала изменяться. Растворилась в воздухе колокольня Страстного монастыря, исчезли трамваи, и проезжая часть бульвара заполнилась автомобилями. А вместо коренастой фигуры в цыганской рубашке на постаменте памятника Кольцову оказался худощавый молодой человек в английском костюме.

Все быстро вернулось на свои места, но осталось ощущение хрупкости окружающего мира. А потом с порывом по-весеннему влажного ветра, накатило горячее желание жить, действовать, забыв про все, окунуться в водоворот событий. Он снова ощутил себя молодым, и как, случалось иногда в юности, чувствовал в душе огромную нестраченную силу.

Дойдя до Лондон-клуба, Александр позвонил из автомата в фойе Рахимову и сказал, что принимает предложение.

Глава 7

Жизнь революционера-нелегала началась довольно прозаично. Не было ни собрания под сводами подземелья, ни клятвы при свете факелов перед людьми в масках. Даже кровью нигде не попросили расписаться. Просто Рахимов сообщил, что под свою личную ответственность зачисляет Александра стажером в первичную партийную ячейку. Потом, став вдруг очень серьезным, предупредил, что если есть какие-то сомнения лучше отказаться прямо сейчас. На что Александр довольно решительно ответил нет, хотя сомнения на самом деле были.

– Ну, вот и славно! Мы с вами еще войдем в историю! – заявил снова повеселевший Рахимов. И тут же предложил перейти на "ты", как принято между соратниками по борьбе. Промежду делом, сообщил, что в партийных кругах он больше известен как Шах, а Александру, в связи с недавними событиями его биографии, подойдет псевдоним Феникс.

Поколесив по городу, они сначала остановились у сетевого универсального магазина купцов Коробейниковых на Садовом. На втором этаже в бюро мгновенной фотографии Алек-

сандр сделал несколько снимков для документов. Дальше поехали на Цветной бульвар и припарковались напротив цирка. Здесь Александр получил паспорт с только что вклеенной фотографией и первое задание.

Показав распечатанное на принтере объявление о сдаче двух квартир по адресу Цветной бульвар дом девять, Рахимов велел снять одну из них, изображая приехавшего на заработки отставного чиновника из саратовской губернии. Здесь, под видом друзей и родственников у него, на время выполнения партийных заданий, станут останавливаться товарищи из провинциальных отделений.

Указанный в объявлении дом располагался всего лишь в сотне шагов от парковки. Постройка вековой давности внутри была переоборудована под современные стандарты. В двухкомнатной квартире, которую показала консьержка, он обнаружил душевую, санузел, кухню с электрической плитой и холодильным шкафом и даже маленький дальновизор и компьютер с подведенным общественным Интернетом. Последнее было обязательным условием Рахимова. Сам он дожидался в машине и поднялся лично осмотреть жилище. Пока Рахимов заглядывал под картины и в плафоны светильников, Александр изучал свои новые документы.

Его новое "я" – Сысоев Николай Павлович, исповедовал православие, по сословному происхождению был мещанином и проживал в городе Аткарске саратовской губернии. Он был на два года старше Александра. В графе семейное положение стояла запись о браке с мещанской Пелагеей Федоровной Присыпкиной, чуть ниже штамп о разводе. Против имен родителей печально чернели погребальные крестики, графа дети пустовала. В рабочей книжке последней записью оказалась служба коллежским секретарем в уездной управе, с которой он два года назад уволился.

– А это все выдуманное? – поинтересовался Александр.

– Почему же, выдуманное! Был такой мещанин. Царство ему Небесное! – ответил Рахимов, оторвавшись от осмотра внутренностей платяного шкафа. Увидев, как напряглось лицо нового соратника, счел должным пояснить:

– Да вы не волнуйтесь! Мы не нечаевские бригады. Физическое насилие признаем только, как крайнюю вынужденную меру. А Сысоев умер пару месяцев назад в мытищинском рабочем доме от алкогольного отравления. Похоронен был, как непознанная личность. Документы же тамошний эскулап припрятал и продал. Они этим часто промышляют.

Заверение о том, что новые соратники не приверженцы крайних методов, несколько успокоило. Но осознавать, что теперь понесешь на себе груз чужого имени и чужой трагически оборвавшейся судьбы, было не особо приятно. А Рахимов, вспомнив, что договорились перейти на "ты", продолжал развивать тему:

– Свободного времени у тебя, товарищ Феникс, на первых порах будет достаточно. Посидишь в Интернете, вытащишь все об Аткарске, запомнишь название улиц, фамилии сотрудников управы, фотографии главы и его замов отыщешь. И если, не дай Бог, зацепят и будут задавать вопросы, отвечай уверенно. И главное знай, что и полиция, и охранка только в романах госпожи Малинковской умные и всемогущие. На деле там, как и везде в нашем отечестве, все на авось и спустя рукава. Особенно после того, как им при Михаиле Болтливом жалование срезали. И никто тебя на очную ставку с вдовой Сысоева в Аткарск не повезет. Хотя припугнуть этим могут.

Дальше Рахимов проинструктировал, как они будут поддерживать связь. Прощаясь, назначил через два дня встречу в близлежащем трактире и пожелал быстрее обжиться на новом месте.

Александр, проводив его, первым делом зашел в Интернет и набрал Аткарск. Вскоре он уже многое знал об этом, затерянном в саратовской степи городке. На страничке уездной управы обнаружилась групповая фотография сотрудников трехлетней давности. Сразу привлек внимание статный мужчина в кителе с петлицами коллежского секретаря. На фотографии

он улыбался, но во взгляде, словно печать будущего приговора судьбы, сквозила какая-то унылая обреченность. Просмотрев список с указанием положения на фото, Александр узнал, что это и есть Николай Сысоев. А, заглянув в зеркало, обнаружил, что они чем-то даже похожи.

Как и обещал Рахимов, на первых порах его новые обязанности были совсем не обременительными. Для поддержания легенды, он зарегистрировался на Трудовой бирже в районе Сухаревки. Каждое утро уходил в ту сторону, якобы для поисков работы. Содержал в чистоте квартиру, и в любой момент был готовым встретить, накормить и расселить гостей. Для того чтобы узнать о их прибытии, просматривал объявления в "Московском папарацци". Сообщение о продаже бытовой техники германского народного концерна "Бебель", подписанное "пан Купчик", означало скорый приезд гостей. Цена, выставленной на продажу вещи, включала дату и время приезда. Каждое утро и вечер Александр, пробегая глазами колонку горячих новостей, заходил на страничку объявлений. Но пока пан Купчик ни как не давал о себе знать.

На их следующей встрече Рахимов вручил ему удостоверение внештатного корреспондента "Московского папарацци", радиотелефон, несколько тоненьких книжечек для сотрудников специальных служб, и томик с собранием статей на политические темы. В специальной литературе описывались методики тренировки наблюдательности и памяти, приемы ухода от слежки, технология подделки документов, основы психологического тренинга. В оглавлении сборника политических статей Александр обнаружил создателя "Проекта дьявола" и нескольких еще более радикальных авторов.

Теперь ему было чем занять свой досуг. Помимо политического просвещения и психологических тренировок, он начал два раза в неделю ходить в государственный спортивный клуб вблизи Николаевского вокзала, где Рахимов вел группу рукопашного боя. Тренировки здесь были куда более долгими и жесткими, чем те, к которым Александр привык в своем дворянском бойцовском клубе. Среди членов группы он с удивлением обнаружил офицеров-пластунов из бригад специального назначения, полицейских и даже жандармов. По субботам они встречались с Рахимовым, и совершали прогулки по бульварам и улицам Москву, во время которых куратор проверял, как подопечный усваивает навыки секретного агента. Остававшееся время Александр посвящал чтению философской литературы. Регулярно наведываясь на Большую Полянку в книготорговый дом Вольфа, он приобретал произведения, как сторонников, так и противников своей новой "веры". А потом долгими вечерами, под свист чайника и новостной фон дальновизора, продирался сквозь хитросплетения доводов, пытаясь докопаться до истины. И все больше убеждался, что она у каждого своя. И все же, при отсутствии реального дела, даже такая насыщенная жизнь начинала казаться бессмысленным проведением времени.

По ночам ему после многолетнего перерыва снова стал сниться дед. Из детских воспоминаний он приходил, как богатырская фигура на ярком сочно-зеленом фоне деревенского лета. Ничего не говорил, а просто вел за собой вдоль поросшего камышом берега сонно текущей реки. Впереди трепетали листья березовой рощи, вилась желтая лента проселочной дороги и уходили под самый горизонт зеленые заливные луга...

В двадцать пять лет Николай Чангаров принял бразды правления фамильным помещением. После второй столыпинской реформы половина земли отошла крестьянским дворам, и ведение помещичьего хозяйства на оставшихся десятинах стало не рентабельным. Однако дед быстро сумел перестроиться. Третью земли сдал в аренду, научился собственными руками делать большую часть работ, и обходиться минимальным привлечением сезонных рабочих. Преодолев сословные предрассудки, он стал одним из организаторов и бессменным председателем первого в уезде земледельческого товарищества, объединившего крепких крестьян и малоземельных помещиков. На общественные деньги товарищество содержало небольшой парк грузовых автомобилей, несколько тракторов и сенокосилок. Осуществлялась совместная закупка семян, наем сезонников и сбыт продукции. По инициативе деда в уездном центре

даже арендовали для этих целей магазин. Все это дало возможность хоть как-то конкурировать с крупными помещичьими хозяйствами и купеческими сельскохозяйственными концернами. Помимо всего прочего, товарищество, в традициях русской общины, помогало овдовевшим хозяйкам и осиротевшим детям. Фактически осуществлялось то, к чему призывали авторы статей сборника. Только делалось это без всякой политической подоплеки и призывов к захвату власти.

Имение Чангаровых не приносило больших доходов. Но хозяйство крепко "стояло на ногах", а фамильный особняк в летний период собирал целый выводок внуков. Однако, в отличие от других стран с патриархальным укладом, в России часто не умеют поддержать добрые традиции. После того как Николай Чангаров в шестьдесят семь лет умер от сердечного приступа, все быстро покатило под гору. То, что хорошо получалось у деда, опять вдруг стало не рентабельным, не оправдывающим трудовые и финансовые затраты. Через несколько лет, с общего согласия наследников, имение было заложено в Земельном банке. После чего земля несколько раз переходила из рук в руки, так и не находя достойного хозяина. А старый фамильный особняк, постепенно разрушаясь, превращался в обиталище призраков...

Будучи еще юношей гимназистом, Александр почти также тяжело, как и смерть деда, пережил крушение его начинаний. А сейчас, утратив даже собственное имя, в сновидениях возвращался в свои счастливые детские годы. Под утро, пребывая на полпути между сном и пробуждением, он видел растворяющуюся в солнечных лучах фигуру деда. К горлу горячим комком подкатывали слезы. Просыпаясь, он подолгу смотрел из кровати, как на оконных стеклах полощется красный мартовский рассвет. Сквозь приоткрытую раму со стороны бульвара долетали хлопки дверей и стук ящиков. Это разгружали товар продавцы цветочных лавок. Мысли безрадостно крутились вокруг того, что судьба уже вряд ли уже даст шанс осуществить мечту юности. Он чувствовал себя привязанным к колеснице, которая несется в непонятное и страшное в своей неопределенности будущее. И все же надежда на какой-то новый неожиданный счастливый поворот еще жила. Он не собирался изменять данному обещанию, но большую часть денег, которые Рахимов еженедельно выдавал из партийной кассы на личные расходы, откладывал. Просто так, на непредвиденный случай.

Глава 8

С самого начала марта весна перешла в наступление. Под ее натиском зима, огрызаясь короткими снегопадами, быстро покидала город. К апрелю уже почти не осталось снега, лишь кое-где под кустами и за торговыми палатками чернели грязные верхушки последних сугробов. Во второй половине дня на свободной от цветочных ларьков части бульвара, стала появляться празднично гуляющая публика. На лавочках почти не оставалось незанятых мест, и взгляд заставляли спотыкаться по-весеннему открытые наряды женщин.

В один из свободных от тренировок вечеров Александр, устроившись у пересечения бульваров, наблюдал, как закат подсвечивает постройки Рождественского монастыря. По левую руку от него на стеле памятника героям Большой Тихоокеанской войны штабс-капитан Василий Чапаев пронзал казачьей пикой японского дракона. Центральный персонаж композиции явно был выбран в угоду народным симпатиям. Выходец из крестьянского сословия пошел на германскую рядовым, а закончил с погонами прапорщика и личным дворянством. Во Вторую японскую он руководил пластунской ротой особого назначения. Из-за постоянных конфликтов с начальством дослужился только до штабс-капитана, но сумел стать героем многочисленных, как героических, так и пикантных историй, а также объектом всенародной любви. И сейчас, в образе Георгия Победоносца он весело глядел с гранитного постамена на гуляющих внизу барышень.

Посматривая на часы, Александр думал о том, что пора бы сделать вечерний просмотр объявлений, но возвращаться на съемное жилье к чайнику, дальнови́зору и книгам совсем не хотелось. Ворковавшая рядом с ним на скамейке парочка, поднявшись, словно по команде, направилась в сторону Рождественского бульвара. Провожая молодых людей взглядом, Александр почувствовал, как кто-то занял освободившееся место и сел совсем близко. Нос уловил приятный, но слишком сильный аромат духов. Скосив взгляд, Александр тут же споткнулся глазами о стройные женские ноги, обтянутые ажурными чулками. Во второй половине уходящего века ветры западной моды все чаще срывали подолы с традиционной женской одежды, и короткая юбка перестала быть редкостью. Но сейчас от неожиданности, а может от затянувшегося монашеского существования, эффект был обжигающий. И это ни прошло незамеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.